

Николай Добролюбов

**Повести и рассказы М. И.
Воскресенского**

Николай Александрович Добролюбов

Повести и рассказы М. И. Воскресенского

В рецензии на книги плодовитого беллетриста М. И. Воскресенского Добролюбов создает образ рассказчика – «старичка-балагура», выявляющий основную черту беллетристики Воскресенского – банальность содержания, отсутствие художественных открытий. Впрочем, литературная репутация Воскресенского к этому времени уже давно установилась и обращение Добролюбова к его произведениям было вызвано не столько потребностью определить меру их художественного достоинства, сколько желанием критика указать – в связи с содержанием одного из рецензируемых произведений – на проблему неравноправия женщины.

Содержание

#1	0005
Примечания	0024

**Николай Александрович
Добролюбов
Повести и рассказы М. И.
Воскресенского**

В четырех частях. Москва, 1858
Наташа Подгорич. Роман М. И. Воскресенского. Четыре части. Москва, 1858

Случалось ли вам бывать в обществе добрых и простых, даже *простоватых*, людей, которые все со вниманием и с подобострастием слушают какого-нибудь добродушного и самодовольного говоруна старичка? Старичок рассказывает старые анекдоты, перевирает разные водевильные и мелодрамные историйки, пускается в доморощенную философию, почерпнутую из прописей, сыплет остротами, избитыми донельзя, с важным видом, как с трудом добытое и новое собственное мнение, высказывает мысли, давным-давно всеми принятые и всем известные, словом – старичок должен нагонять тоску невыносимую. А между тем – все его слушают, смеются его каламбурам и анекдотам, удивляются глубокости его афоризмов, внимательно ждут окончания его рассказов. Вспомните, какое чувство овладевало вами при этом, если вы сами не принадлежали к этому обществу добрых и простых людей. Вам было как-то *неловко*, чего-то *совестно*... знаете, в том роде, как вам делается совестно, когда вы едете по железной дороге и вдруг сидящий рядом с вами, хорошо одетый господин, любезно обра-

цается ко всем сидящим в вагоне с довольным видом начинает разговор, хотя такого содержания: «Какая быстрота! Это гораздо скорее, чем на лошадях. А знаете: ведь за границей уж давно строят такие дороги, еще прежде нашего начали. Да оно и хорошо, я этому очень рад. По моему убеждению – чем скорее поедешь, тем больше пространства проедешь, хоть существует русская поговорка: тише едешь, дальше будешь» и т. д. Кажется, чем бы тут пикироваться? А все как-то неловко делается в обществе такого господина. Даже иной раз и покраснеешь за него. И не то чтобы чувство досады или огорчения возбуждалось в вас, вовсе нет. Старичок оказывается человеком, имеющим понятия довольно правильные, и если иногда говорит нелепости, то уж так наивно, что этим несколько не возмущает ваших святых убеждений, сердиться на него не за что. Иной раз, конечно, приторна станет его болтовня, с претензиями на глубокомыслие и остроумие, вы хотели бы рассердиться и назвать все его рассказы – пошлостью. Но нет, духу не хватит: старичок так добродушно самодоволен, так

мягок и уступчив, при этом так радушно болтлив, что нет возможности рассердиться на него. И вы остаетесь с тем, что как-то все конфузитесь за него, конфузитесь за тех, кто его слушает, конфузитесь за себя, что попали в это общество, наконец, конфузитесь даже за то, что такое общество может существовать на свете. Вам делается как будто обидно это обстоятельство, вы его стыдитесь, как будто бы сами были виноваты в нем, и под конец вам становится отчего-то тошно и тяжело. Нечто подобное испытывали мы, пробегая четыре книжки повестей г. Воскресенского и его роман. Нам становилось отчего-то очень неловко, когда мы прочитывали напечатанные всеми буквами и непрерывно вставляемые в рассказ фразы, вроде следующих: «Время – великий врач; он исцеляет самые глубокие язвы души человеческой» («Наташа», ч. II, стр. 152); «Весне – цветы, а молодости – любовь назначены самим провидением» (стр. 186); «Наконец – мы не только догнали или пошли в уровень, но во многом еще и опередили те просвещенные страны, которые так недавно еще называли нас без церемонии се-

верными варварами» («Наташа», ч. I, стр. 10); «Идея совершенного равенства между людьми есть не больше как утопия» (ч. III, стр. 33); «В счастья время летит стрелою, а в горе ползет черепахою» (ч. IV, стр. 7); «Человек везде один и тот же: он нигде не ангел, но нигде и не дьявол, а везде – середина между этими двумя полюсами, что решительно, по моему, и составляет верное определение слова: человек» (ч. IV, стр. 196); «Благодаря железным дорогам и стальным перьям лети себе быстро, как стрела, как мысль, как время. Железная дорога мчит тебя тысячи верст в сутки. Стальное перо не уступает рельсам» («Повести», ч. I, 39); «Москва! Много в этом слове сливается для русского человека!» (стр. 39); «Есть на Руси поговорка: что город, то нор, что деревня, то обычай. Не оспаривая справедливости как всех русских поговорок вообще, так и этой в особенности, замечу только одно: эта поговорка может быть приспособлена ко всем, не только русским, но даже и иностранным городам, кроме Москвы, потому что в этом городе столько разных народов и обычаев, столько кривых и так называемых

глухих переулков – что их и на досуге не перечтешь скоро» (стр. 40); «Не всякий цветок имеет хороший запах, так же как не всякая красавица имеет внутренние достоинства» (стр. 55) и пр. и пр. Таких прекрасных фраз тысячи у г. Воскресенского. Мы взяли, конечно, не самые лучшие, потому что не выбирали, а так выписывали, где откроется книга. Не правда ли, что все они производят чувство, подобное тому, какое овладело бы, я думаю, франтом, которому сказали бы в то время, как он собирался на бал: «Ты и перчатки тоже надень: на балы обыкновенно в перчатках являются – это уж так принято».

Но еще милее афоризмов остроумие г. Воскресенского. Не хотите ли примеров? Вот вам один, довольно длинный, да еще с примесью учености:

Кому из читателей не известна старая поговорка: глаза – зеркало души? Эти три слова давным-давно приняты всеми за аксиому, а между тем... между тем они не более как гипотеза, и именно вот почему: хорошее, верное зеркало не часто встретишь, и не в

метафорическом смысле: одно уменьшает, другое увеличивает, третье косит, четвертое желтит, пятое... Ну, да на пятом пока и остановимся. Что же касается до глаз, которые называются зеркалом души, – они уж и сплошь да рядом фальшивы; представлю примеры. У знаменитого мошенника Картуша были большие голубые глаза, в которых налито было столько добродушия, что их поцеловать хотелось, а между тем в них гляделась душа чисто разбойничья. На доброго Августа римского нельзя было, рассказывают, смотреть прямо, – столько пронзительного было в его взоре, а между тем душа его была чисто прекрасная. У Лейбница были всегда глаза красные, как у невоздержного человека; у Ньютона раскосые и плутовские, – вот вам и зеркала ваши! Да, с другой стороны, если и допустить верность этих зеркал, почему же мы хотим думать, что душа беспрестанно в них смотрится? Ведь она не женщина; а если и женщина, так уж верно не кокетка; хоть говорят, что одно без другого не бывает; впрочем, ведь мало

ли говорят и пустяков на свете? («Повести», ч. II, стр. 198.)

А вот еще пример, покороче:

О любви писали из каждого гусяного крыла по крайней мере пять перьев. Ну, а ведь вы знаете, что у каждого гуся два крыла, следовательно, по крайней мере десять перьев; теперь десять манеров любви положите на каждого гуся, съеденного человечеством, – а сколько мы приели их? Право, я думаю, столько, что если бы все пернатые покойники были живы, то своею огромною массою заклевали бы все человечество, по их милости, на мильон манеров рассуждающее теперь о любви на бумаге («Повести», ч. III, стр. 174).

Ну, скажите, есть ли возможность рассердиться на человека, отпускающего такие остроты? Чувствуешь как-то, что не совсем-то в своей тарелке находишься, читая подобные вещи – точно будто, идя по улице с дамой, вдруг какую-нибудь неприличность услышал... Но серьезно рассердиться – решительно духу не станет: г. Воскресенский обезоруживает всякого своим добродушным тоном,

своим милым, беззастенчивым самодовольством. Пробежишь несколько страниц и думаешь: а ведь г. Воскресенский серьезно полагает, что все это интересно и остроумно! добродушный человек должен быть г. Воскресенский!.. И в самом деле – добродушие его так и прорывается на каждой странице. Он с читателями на короткой ноге и обращается без малейшей церемонии. Он вас расспрашивает о ваших вкусах, убеждениях, наклонностях, обстоятельствах жизни, касается ваших семейных и дружеских отношений, и все это с простодушнейшим видом, без всякой надобности и цели. Зато и сам он рассказывает вам о себе всю подноготную – и рано ли он встает, и сколько стаканов чаю выпивает поутру, и сколько ему лет, и как он лоб себе потирает, придумывая мысли, и как перо обмачивает иногда в песочницу, занятый приисканием фразы, – словом, раскрывает себя перед вами до самых интимных подробностей. Мало того, он вас без церемонии соблазняет на дела, иногда не совсем похвальные. Пойдемте, говорит, читатель, подслушаем, что говорят эти два человека... Подсмотримте, говорит, сквозь

замочную скважину в спальню этой девушки... Прочтем, говорит, тихонько это письмо, адресованное к влюбленному юноше... И, не дожидаясь вашего согласия, он бежит, подглядывает, подслушивает, прочитывает и рассказывает вам, опять не спрашивая вашего согласия... В иных же случаях он бывает очень стоворчив. «Любите, говорит, вы маскарады, читатель? Любите? В добрый час. Не любите? Прекрасно делаете». «Бывали вы в Саксонской Швейцарии? Да? Очень рад. Не бывали? Очень жаль; постарайтесь побывать». Иногда он поражает вас неожиданностью, «Знаете вы Одессу? – вдруг спрашивает он в начале повести. – Не знаете? И я не знаю и потому не буду ее вам описывать». И вслед за тем начинается длинный рассказ, действие которого происходит в Одессе. Почему же в Одессе? Потому единственно, что г. Воскресенскому вздумалось в самом начале повести сострить над читателем. В сущности же, повесть такого рода, что если уж она в Одессе может происходить, то совершенно с таким же правом может происходить и в Москве, и в Париже, и в Пекине, и в Каменец-Подольске... Впрочем,

вообще рассказы г. Воскресенского имеют замоскворецкий характер, не исключая и тех, которые происходят в Италии и в Саксонской Швейцарии. Автор сам признается, что он житель Замоскворечья и усвоил себе его нравы и обычаи. Там именно его и почитают как остроумного и глубокомысленного сочинителя, который иногда и посмешит не хуже Живокини в водевилях Каратыгина[1], а подчас и ужаси расскажет так, что только Марлинскому разве уступит. И этой-то *своей* публике г. Воскресенский рассказывает историйки – и о том, как одному господину мазурики краденые вещи в карман клали, потому что у него картуз был одинакий с ихними, и о том, как в Замоскворечье двое любящихся угаром себя уморить хотели, и о том, как местная полиция одного квартала перепугалась зеленой кареты, в которой один барин ежедневно прогуливался по одной из отдаленных улиц...[2] И читают добрые люди, да еще похваляют, должно быть потому, что иначе зачем бы г. Воскресенскому издавать вдруг собрание своих повестей, большею частию бывших уже напечатанными в... в «Пантеоне»?..[3] Кажет-

ся, если мы не ошибаемся... «Пантеон» был почти исключительно ареною литературной деятельности г. Воскресенского... Публику «Пантеона» изучил, вероятно, г. Воскресенский, освоился с ней и без всяких церемоний самодовольно с нею изъясняется, передавая старинные анекдотики с прикрасами собственной философии и остроумия, образцы которых мы видели. Бесцеремонность и уверенность в себе у г. Воскресенского доходит до того, что он, восхитившись одною главою в своем романе «Наташа Подгорич», выхватил ее оттуда и преспокойно напечатал вторично как особый рассказ – в повестях своих под заглавием: «Две картины». Так старичок балагур, в восторге от собственного анекдота, два раза сряду повторяет его одним и тем же слушателям... И что же тут дурного? Ведь находятся люди, которые слушают.

Но дух века, носящийся над молодым поколением, задевает даже и старичков балагуров. И г. Воскресенский, милый, простодушный рассказчик старых замоскворецких былей, выбравший себе эпиграфом слова Монтаня: «Я на учу, а только рассказываю»[4], – и он

увлекся общим направлением века и сочинил роман с общественными тенденциями. Честь и слава г. Воскресенскому! Мы искренно его за это приветствуем и по прочтении его романа «Наташа Подгорич» еще менее находим в себе сил питать какое-либо озлобление против него. Посмотрите, в самом деле, каким прекрасным человеком является он в этом романе. Вот его содержание.

Станислав Подгорич, будучи в своем поместье, увлекся красотой одной из своих крестьянок, и у него родилась дочь Наташа. Дочь эту отдал он на воспитание одной богатой вдове-старушке, обучившей Наташу всем наукам и искусствам. Между тем Станислав Подгорич умер, и Наташа досталась в руки его брату Казимиру, который хочет соблазнить ее. Наташа сопротивляется, и он, вступая в права свои, делает ее прачкой, судомойкой, наконец ссылает в деревню – ходить за птицей. В деревне стоит полк; один из офицеров влюбляется в Наташу и обольщает ее, а потом, как и следует, оставляет. Через несколько времени барин, Казимир Подгорич, приезжает в деревню, застаёт Наташу беременною и

хочет выдать за пастуха. Но в Наташу влюблен великодушный и вольноотпущенный кучер Подгорича; он упрашивает, чтобы Наташу выдали за него, а ей говорит, что женится на ней только для ее спасения и что всегда ее будет уважать, как свою барышню. Наташа выходит за него, отправляется с ним в Москву, родит ребенка, который тотчас умирает, и нанимается в кормилицы. Здесь в нее влюбляется сын одного банкира и предлагает всевозможные удобства жизни. Она отдается ему и поселяется в хорошем доме, подаренном ей ее возлюбленным. Здесь она веселится, пока муж ее не является с требованием своих прав, узнавши о поведении своей жены. Она, конечно, ужасается своего положения, просит, ласкает, дает деньги; муж, как истинный герой, ничему не внимает, но наконец сам устыжается своих преследований и – вешается. Вскоре потом сын банкира женится, оставляя Наташу с хорошим обеспечением. Несколько лет она фигурирует после этого как интересная камелия, потом умирает в Вероне от изнурительной чахотки.

Как все это рассказано г. Воскресенским,

нечего уж и говорить: читатели знают манеру его рассказа и степень его литературного дарования, и мы не хотим еще раз конфузиться за него, представляя образцы некоторых подробностей романа. Но дело вот в чем: г. Воскресенский имеет свой круг публики, который читает и перечитывает его. Доказательством служит то, что недавно еще вышел вторым изданием какой-то из его романов[5]. Эта публика не имеет, конечно, понятия о каком-нибудь Жорж Занде, да и из русских-то, вероятно, – Гоголем не интересуется, Тургенева и Григоровича едва знает, потому что они для нее слишком тонки, неуловимы. Литературных достоинств их она не оценит, иронии не поймет, мысли не отгадает. Ей нужно что-нибудь поглубже, побесцеремоннее, все равно как иным меломанам необходимо следить оперу по либретто, хоть бы ее десять раз уже слышали... Вот за эту-то публику мы радуемся, ее-то мы поздравляем с романом г. Воскресенского так, как мы обрадовались бы, если б старичок балагур, наш приятель, вдруг рассказал, хотя бы и с приправою обычных острот и афоризмов, анекдот, полный живого

общественного смысла. Все-таки лучше, чем умственное ломанье и шутовство без всякой цели и надобности,

В самом деле, ведь содержание романа г. Воскресенского вертится все на том же тяжелом вопросе, над которым столько бились все наши литераторы: кто виноват? Автор сам прямо задает себе этот вопрос. Виновата ли она во всем этом? – спрашивает он и предоставляет решить дело самим читателям. Как бы они ни решили, по крайней мере они хоть подумают над этим вопросом. И это хорошо, потому что вопрос о так называемой *семейной нравственности* составляет один из важнейших общественных вопросов нашего времени. Мы даже скажем, что он решительно важнее всех остальных потому, что он во все остальные входит и имеет значение более *внутреннее*, тогда как другие по большей части ограничиваются внешностью. Занявшись в последнее время этими внешними общественными вопросами, литература наша почти позабыла вопросы об отношениях семейных, о значении женщины в жизни общества. Некоторые даже хотели найти какое-то

натуральное противоположение отношений семейных и общественных, между тем как это противоположение есть чисто искусственное и крайне нелепое. Что ни толкуйте о разных улучшениях общественной жизни, они всегда будут иметь началом и концом — отношения семейные, понимаемые не только в смысле «*супружеского блаженства*», но и в значении гораздо более обширном. В семье совершается самое полное и естественное слияние собственного эгоизма с эгоизмом другого и полагается основание и начало того братства, той солидарности, сознание которых одно только и может служить прочною связью правильно организованного общества. Мысли эти известны всякому; но редко кто проводит их последовательно до конца и редко кто думает об их практических последствиях. А последствия эти весьма важны. Укажем на одно. Если семейные отношения составляют основание общественных, то почему мы, хлопоча с таким жаром о разных общественных эманципациях, в то же время так страшно восстаем против одной мысли о семейной эманципации женщины? Поло-

жим, что мы справедливы, не желая доходить до крайностей; но отчего же рассуждать-то мы не хотим об этом? Неприлично, что ли? Полноте, пожалуйста; ведь мы уж не ребята. Пора бы хорошенько и прямо взглянуть в лицо этому запутанному вопросу, в котором теперь властвуют самые низкие расчеты, самые скверные побуждения, смешанные с самыми святыми для человека чувствами, да нередко так смешанные, что их и не разберешь. Неужели вечно будет продолжаться это своеволие мужчины в семейных отношениях, только потому, что он, говорят, занимается деятельностью общественной, которая женщине недоступна? Неужели женщина всегда должна быть страдальцей и рабой, имеющей свою долю власти только тогда, когда рассудок мужчины помрачается страстью? Пора бы определить, не заходя далеко, хотя равенство одних семейных-то отношений мужчины и женщины. А то ведь, право, срам смотреть и слушать: мужчина хвастается победой над девушкой, а бедная девушка должна скрывать свой стыд. Мужчина соблазняет женщину, на это смотрят равнодушно и

ласково говорят ему: шалун, повеса; девушка увлекается мужчиной, говорят: пропавшая, падшая девушка. Скажите: да разве падение-то не для обоих их одинаково? Отчего же одному это так легко сходит с рук, а к другой такая беспощадная строгость? Отчего? Ведь можно сказать наверное: каждая невеста, выходя замуж, знает или предполагает, что будет не первым уже предметом ласк своего мужа, и она ни слова не смеет сказать об этом, она даже и в мыслях своих не слишком большое придает этому значение. Но боже мой! если жених узнает то же самое о своей невесте! Какой тогда шум поднимется! Она навеки опозорена, да и не только она, а вся семья ее. Скажите, хорошо ли, справедливо ли, гуманно ли это со стороны господ мужчин? И где же заключается причина такой странной несоразмерности в суждениях? мы не беремся теперь решить этого вопроса, требующего очень обширных толкований, и довольствуемся тем, что указываем на него нашим читателям и даже – извините за нескромность – читательницам.

А г. Воскресенскому, как ни жалко-плохи

его рассказы, все-таки спасибо за то, что роман его наводит читателя на этот интересный вопрос.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 8, отд. II, с. 233–240, без подписи.

В рецензии на книги плодovитого беллетриста М. И. Воскресенского (см. о нем: Турумова К. «Евгений Вельский» и его автор. – Вопросы литературы, 1972, № 8) Добролюбов создает образ рассказчика – «старичка-балагура», выявляющий основную черту беллетристики Воскресенского – банальность содержания, отсутствие художественных открытий. Впрочем, литературная репутация Воскресенского к этому времени уже давно установилась (ср., напр., отзыв Н. А. Некрасова о нем в 1843 г.: «Замоскворецкий Вальтер Скотт г. Воскресенский» ежегодно издает новый роман, «наполненный лицами и происшествиями, возможными разве на луне... роман приторный, пошло-чувствительный, растянутый длинными... обращениями к «почтеннейшим» читателям и «милым» читательни-

цам, – обращениями, сквозь которые проглядывает добродушное довольство автора самим собою» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1950, с. 78)), и обращение Добролюбова к его произведениям было вызвано не столько потребностью определить меру их художественного достоинства, сколько желанием критика указать – в связи с содержанием одного из рецензируемых произведений – на проблему неравноправия женщины. Рецензия появилась в то время, когда так называемый «женский вопрос» только начал привлекать к себе общественное внимание в России, и толки о нем сосредоточивались, главным образом, на проблеме улучшения женского образования, которое рассматривалось, как правило, с точки зрения предназначения женщины исключительно к сфере семейной жизни (так, напр., Н. И. Пирогов в статье «Вопросы жизни», поразившей современников остротой постановки проблем воспитания, писал, что развитие ума необходимо женщине не только для того, «чтобы усладить сочувствием жизнь» мужчины и «иметь ясную... идею о воспитании детей». – Морской сбор-

ник, 1856, № 9, с. 595). В рецензии Добролюбова, написанной до программного выступления «Современника» по «женскому вопросу» – статьи М. Л. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и в обществе» (1860, № 4, 5, 8), в общем виде уже сформулирован подход революционной демократии к этой проблеме. Рассматривая семью как своеобразную модель общества, а неравенство членов семьи как прообраз социального неравенства, Добролюбов не мыслит серьезных перемен в жизни общества без ликвидации семейного гнета. Этим определяется его взгляд на проблему семейных отношений как на «один из важнейших общественных вопросов».

Комментарии

Добролюбов имеет в виду выступления известного московского комического актера В. И. Живокини в многочисленных водевилях П. А. Каратыгина (наиболее популярны были – «Дом на Петербургской стороне, или Искусство не платить за квартиру», 1838; «Булочная, или Петербургский немец», 1843; «Вицмундир», 1845, и др.).

[^^^]

2

Добролюбов излагает сюжеты рассказов «Тринадцатый картуз», «Замоскворецкие Тереза и Фальдони», «Железный петух».

[^^^]

«Пантеон» – петербургский журнал, издававшийся в 1840–1856 гг. (заглавие многократно менялось). В редакторство Ф. В. Булгарина (1842) и В. С. Межевича (1843–1846) – чрезвычайно посредственный журнал (см.: Белинский, VI, 63–66). При Ф. А. Кони (редактор с 1848 г.) уровень журнала стал выше.

[^^^]

4

Слова М. Монтеня поставлены эпиграфом к роману Воскресенского «Он и она» (1836).

[^^^]

5

В 1858 г. были переизданы романы Воскресенского «Он и она» и «Проклятое место» (1838).

[^^^]